

Г-жа Добромилова

шовинистическая и патриархальная сценическая
пьеса

Павел Бернацкий, Краков, 2026

имена персонажей были изменены по их просьбе, чтобы скрыть тот факт, что всё это правда

опубликовано с согласия и даже по инициативе организации «Патриархат»

медиа-патронат: Объединение «Мужские шовинистические свиньи»

ПЕРСОНАЖИ:
ПАЛАЧИХА
ИНКВИЗИТОР
ТРУБАДУР

Сцена 1

Комната в доме мастера Добромила

ПАЛАЧИХА

ИНКВИЗИТОР

ТРУБАДУР

ИНКВИЗИТОР:

Выражаю свое почтение госпоже Добромиловой! Я привел гостя. Позвольте представить... Господин Пюрковский.

ТРУБАДУР:

Я — Пюрковский. Трубадур. Очень рад познакомиться с вами.

ПАЛАЧИХА:

Добромилава. Мне очень приятно. Ваше звание, Пюрковский? Мой муж упоминал о вас. Сейчас он, к сожалению, занят, поэтому, если это может подождать, я бы предпочла не беспокоить его. Он этого не любит. А с господином Инквизитором я хотела бы перекинуться парой слов...

ТРУБАДУР:

Я не хотел бы доставлять неудобства. Я пришёл с господином инквизитором исключительно для компании. Бескорыстно, можно сказать. Не скрою, что мне было бы приятно снова поболтать с мастером Добромилом, конечно, когда он закончит.

ПАЛАЧИХА:

Муж в мастерской. Я могу вас проводить, господин Пиурковский. Но лучше не заходить, там сейчас такой беспорядок...

ИНКВИЗИТОР:

Я вам это категорически не рекомендую.

(К Палачихе)

Господин Пюрковский — артист. Он поёт, творит, сочиняет... Он — универсальный артист!

ПАЛАЧИХА: (К Трубадуру)

А, простите, а умеете ли вы забить петуха? Я сегодня купила одного, он заперт. В плетеной корзине у входа.

ТРУБАДУР:

Боюсь, что я не достаточно компетентен и не смогу оказать помощь. Моя сфера — слово. Музыка и слово. Короче говоря — пение. Моя цель — выразить самые нежные чувства, подарить слушателю пронзительные переживания, заставить его почувствовать глубокую скорбь, задуматься о смысле жизни... Моя песня может причинить боль, заставить слушателя осознать всю жестокость мира, всё бездонное отчаяние жизни, всю несправедливость...

ПАЛАЧИХА:

Извините за нескромный вопрос... Вы этим зарабатываете на жизнь? Тем, что причиняете боль и открываете глаза на жестокость?

ТРУБАДУР:

Дело в том... что я не столько зарабатываю этим на жизнь, сколько пытаюсь зарабатывать. Впрочем, сейчас я как раз меняю профессию. Собираюсь стать драматургом. Хочу писать пьесы. Вас это удивляет, госпожа Добромилова?

ПАЛАЧИХА:

Знаете, господин Пюрковский... Не мне судить. Меня удивляет, по сути, только то, что вы так открыто признаётесь во всём этом. Сначала я подумала, что вы, может быть, ищете работу. Но мой муж всегда повторяет, что ничто так не дисквалифицирует палача, как склонность к садизму. Как я уже сказала, это ваш выбор и ваше решение, господин Пюрковский. Мой муж много хорошего говорил о вас, а вы так открыто признаётесь в садистских наклонностях и к тому же хотите писать пьесы...

ИНКВИЗИТОР:

Я думаю, что господин Пюрковский ценит причинение страданий исключительно в моральном, экзистенциальном смысле... Это страдание, которое необходимо человеку, чтобы он почувствовал себя человеком. Ну а пьесы... Простите, мадам, но ни одна работа не позорит! Господин Пюрковский уже вскоре, несомненно, покорит своими произведениями все сцены во всём Королевстве. Что же такого в том, что кто-то пишет пьесы, если при этом он лично является честным и благородным человеком?

ПАЛАЧИХА:

Господин инквизитор! Раз уж вы затронули эту тему, у меня есть несколько замечаний. Думаю, нет смысла злоупотреблять терпением господина Пюрковского!

(К Трубадуру)

Если вы не обидитесь...

ТРУБАДУР:

Конечно же, нет! Тогда, может быть, я позволю себе прогуляться или подождать на скамейке.

ПАЛАЧИХА:

Буду вам признательна, господин Пюрковский. Только, пожалуйста, не выпускайте петуха! И, пожалуйста, не пойте ему! Он и так какой-то угрюмый... А на рынке казался таким полным энергии!

Сцена 2

Комната в доме мастера Добромила

ПАЛАЧИХА

ИНКВИЗИТОР

ПАЛАЧИХА:

Господин Справедлицкий! Прошу вас, присядьте. Вы, кажется, только что сказали, что причинение ближним моральных страданий полностью оправдано. Верно?

ИНКВИЗИТОР:

Госпожа Добромилова! Прошу вас не выходить из себя. Ситуация запутана. Я осознаю, что некоторые кадровые решения в нашей Палате Попыток могли вызвать у вас сомнения. Господин Добромил упоминал, что вы не были до конца удовлетворены направлением этих изменений. Но, поверьте мне, эти изменения являются результатом широкомасштабных консультаций. Они являются выражением нашей заботы о равном отношении! О предотвращении любой дискриминации! Мы открываем, в том числе и для вас, путь к карьере!

ПАЛАЧИХА:

Господин Справедлицкий... Вы говорите мне о карьере и возможностях. А знаете ли вы, что я могла бы стать госпожой Скрыбовой? У меня были такие предложения...

ИНКВИЗИТОР:

Господин Добромил, как профессионал до мозга костей, конечно же, не затрагивает на работе темы, не относящиеся к делу... Но я уверен, что у вас был и, конечно же, по-прежнему есть целый ряд возможностей. Мы как раз за это и боремся! Все наши усилия в конечном итоге пойдут на пользу и вам, уважаемая госпожа Добромилова! Мы заботимся о ваших жизненно важных интересах! Даже если наша поддержка движений, направленных на эмансипацию, по разным причинам кажется вам спорной...

ПАЛАЧИХА:

Одобрение? Может быть, ещё и молчаливое одобрение? Спорное? Позвольте, господин Справедлицкий, напомнить вам кое-что. Уже много лет вы активно поддерживаете движения, выступающие за эмансипацию или освобождение женщин от гнета патриархата! Вы участвуете в демонстрациях!

ИНКВИЗИТОР:

Но, госпожа Добромилова! Учреждение, которое я представляю, а именно Инквизиция, нередко обвиняют в предвзятости, нетерпимости и склонности к насилию. Кто, как не инквизитор, в данном случае я, должен появиться на такой демонстрации, чтобы выразить ей свое одобрение? Свою символическую поддержку?

ПАЛАЧИХА:

Символическую поддержку? Я видела вас с плакатом! Вы им размахивали! Мне процитировать лозунги, которые вы скандировали?

ИНКВИЗИТОР:

Я считаю своим долгом опровергнуть это, уважаемая госпожа Добромилова. Я не помню, чтобы у меня был плакат или чтобы я им размахивал. Если и было что-то, то я своим

присутствием выражал солидарность, поддержку, создавал атмосферу диалога и равных возможностей...

ПАЛАЧИХА:

Господин Справедливый... Вы говорите как мой муж, который имеет привычку время от времени подшучивать над клиентом, говоря: «Сегодня я как-то плохо себя чувствую! Похоже, один из нас не доживет до конца этого дня!».

ИНКВИЗИТОР:

Возможно, у меня действительно был какой-то плакат раз или два. Наверное, это было что-то о роли Инквизиции, например: «Инквизиция поддерживает равенство и терпимость!». Но это не значит, что я им размахивал! Моё присутствие на этой демонстрации выражало понимание и поддержку прав женщин. Но и некоторую рефлексию. Чувство долга, лежащее на Инквизиции, особенно по отношению к угнетаемым и дискриминируемым группам. Понимание усилий властей Королевства. Опасения по поводу возможных злоупотреблений. По поводу безответственного проведения слишком радикальных изменений. Скептицизм и осмотрительность.

ПАЛАЧИХА:

Интересно. Я видела совсем другое. Никаких размышлений! Никаких опасений! Никаких следов скептицизма! Вы были в восторге, господин Справедливый. Вы смеялись от уха до уха!

ИНКВИЗИТОР:

У меня жизнерадостный характер. Возможно, на моём лице отразилось удовлетворение от общественной поддержки идей равенства. Идей терпимости. Я ни в коем случае не выражал слепого оптимизма или бездумного энтузиазма...

ПАЛАЧИХА:

Господин Справедливый! Не хочу быть вульгарной, но даже мой муж в брачную ночь не проявлял такого энтузиазма, как вы, идя в этой демонстрации! Я вас хорошо видела! Зато я не увидела ни малейшего размышления, ни малейшего осмысления последствий! А потом я узнаю, что в нашей «Палате пыток» проводится набор подмастерьев «обоих полов», причём при этом подчеркивается важность гендерного паритета. У меня подкосились ноги, когда мой старик проговорился! Ведь это завуалированный способ нанять двух подмастерьев-женщин, потому что ни мой Добромил, ни вы, господин Справедливый, вряд ли напоминаете женщин!

ИНКВИЗИТОР:

Но ведь женщина может овладеть ремеслом палача не хуже мужчины, о чём свидетельствуют многие очень проницательные книги, написанные специалистами мирового уровня в этой области. Заказ этих трудов обошёлся нам в немалые суммы, поэтому мы не можем выбрасывать эти деньги на ветер, отказываясь на полпути от начатой инвестиции! Женщина имеет такое же право на развитие в выбранной ею профессии, как и мужчина! Вы не можете отказать женщин права на образование!

ПАЛАЧИХА:

Конечно, могу и отказываю! Если она хочет учиться, пусть учится под руководством кого-нибудь другого, а не моего мужа! У меня тоже есть свои права, господин Справедливый! Ведь вы не научите такую барышню ремеслу палача. Это значит, что вы принимаете на работу двух молодых девушек в качестве подмастерьев и что их будет учить мой Добромил!

ИНКВИЗИТОР:

Помощницы по ремеслу должны быть молодыми — это естественно, госпожа Добромилова. Обучение подмастерья — это инвестиция. Ремесло палача традиционно было прерогативой мужчин, что является результатом несправедливых стереотипов и предрассудков. С экономической точки зрения нет смысла нанимать подмастерье в зрелом возрасте. По понятным причинам у нас также нет в штате мастериц-палачей. Поэтому обучать их должны мастера-палачи, которыми мы располагаем. Такие, как ваш уважаемый супруг, мастер Добромил. Весь цех палачей проявил понимание и гибкость по отношению к стремлениям новых кандидаток. А вы, похоже, руководствуетесь какими-то собственными корыстными интересами...

ПАЛАЧИХА:

Это не мой интерес, а наш общий интерес, господин Справедливый! Добромила и мой! Я ведь его жена, чтобы знать, что для него хорошо! Сначала я не понимала, в чём дело. Муж, например, стал как-то тщательнее готовиться к работе. Купил себе новый сюртук, потому что утверждал, что служебная одежда — это одно, а он, идя на работу, должен выглядеть как человек. Раньше он почти не чистил ботинки. Только чтобы не было следов крови. А теперь стал смазывать их салом, день за днём! И рубашку ему нужна каждый день свежевывестиранная. Он бреется! Расчесывается! Брызгает на себя духами! Сначала я, дура, радовалась. Думала, что, может, он так ухаживает за собой ради меня. Но на работе он стал все чаще задерживаться после окончания смены. Мол, столько работы, что у него ещё практические занятия с молодежью. Однажды меня что-то насторожило, я пошла в «Камеру пыток», якобы чтобы принести ему обед. И я увидела эту молодёжь!

ИНКВИЗИТОР:

Но, госпожа Добромилова! Вы, наверное, неверно истолковали какой-то случайный инцидент... Господин Добромил — человек добросовестный и ответственный...

ПАЛАЧИХА: (иронично)

Да, конечно! Я неверно истолковала. А работники по всему Королевству имеют обыкновение представляться молодым подмастерьям, в первую очередь заявляя о своём семейном положении... «Добрый день, я женат! Мастер-палач, очень приятно познакомиться!».

ИНКВИЗИТОР:

Я понимаю вашу иронию, но семейное положение — это, в принципе, личное дело работника. К сведению отдела кадров. Или, шире говоря, администрации. То есть в данном случае — к моему сведению. На работе мы ставим на полный профессионализм. К тому же работник ведь может изменить своё семейное положение. И что, он должен сразу об этом всем заявлять?

ПАЛАЧИХА: (иронично)

Конечно же, может изменить. Или может по ошибке сказать, что он вдовес. Или может вообще забыть, что он женат. Кто же будет забивать себе голову такими мелочами, когда нужно вводить молодых подмастерьев в тонкости профессии...

ИНКВИЗИТОР:

Я уверен, что господин Добромил ясно дал понять вверенным его попечению подмастерьям, что намерен как можно тщательнее выполнить свой долг по ознакомлению их с ремеслом и ничем больше.

ПАЛАЧИХА: (иронично)

Но зачем вы так себя ограничиваете, господин Справедлицкий? Скажите сразу, что во время этих свехурочных, когда я жду его дома с ужином, он задерживается на работе и рассказывает своим ученицам исключительно об искусстве палача, для большей убедительности посадив обеих к себе на колени...

(язвительно)

Я видела этих девиц! Когда принесла ему поздний завтрак! Обе могли бы быть его дочерьми! Если не внучками! И одеты так, что стыдно смотреть! Декольте до пояса! Расшнурованные! Юбочки такие, что за такой наряд когда-то бичевали и изгоняли из города! Так ли должна выглядеть сотрудница уважаемой Палаты пыток? А если клиент пожелает духовного утешения, и священник застанет такую картину, то кто утешит этого священника, спрашиваю я?

ИНКВИЗИТОР:

Молодёжь сейчас другая, госпожа Добромилова. Она пытается подчеркнуть свою независимость. Позволяет себе наряд, который когда-то был бы признан слишком вызывающим или несоответствующим серьёзности Палаты пыток. Или же этике ремесленника. Возможно, я мог бы вмешаться в это дело, но мне нужен какой-то повод. Например, жалоба персонала или жалоба клиента. Таковы требования закона. Если никто не жалуется, то официально я ничего не могу сделать.

ПАЛАЧИХА:

Может, мне сделать что-нибудь неофициально... Господин Справедлицкий! Я же знаю, что все мужики друг друга прикрывают. Я как-то специально спросила вас, почему мой муж вчера так долго задержался после работы, а вы мне рассказывали, что у него была презентация для зарубежного контрагента! Вы забыли, что у него тогда был выходной!

ИНКВИЗИТОР:

Строго говоря, то, что вы совершили, госпожа Добромилова, является неэтичным. Вы пошли на провокацию в отношении инквизитора. Провокация как инструмент допускается лишь в исключительных случаях. И, конечно же, обычные подданные не могут её применять, если только не получают на это разрешение соответствующего должностного лица Королевства. Кроме того, вы не имеете права использовать информацию, полученную таким образом, поскольку это незаконно. Ни один суд, включая суд Инквизиции, не имеет права использовать сведения, полученные таким образом.

ПАЛАЧИХА:

Что вы на это скажете...? Чье разрешение я должна была получить в таком случае, чтобы провести в отношении вас провокацию?

ИНКВИЗИТОР:

Мое, или, в крайнем случае, моего начальника. Но в случае с Инквизицией, у этого начальника сначала нужно получить аудиенцию. И это за пределами Королевства. Мы, как автономная институция, не подчиняемся ни одному из чиновников Королевства.

ПАЛАЧИХА:

Да, я знаю. А разрешение на эту аудиенцию получают на основании рекомендации, за которой нужно обратиться к вам, не так ли, господин Справедлицкий? Вы знаете, что я сейчас хочу сделать?

ИНКВИЗИТОР:

Надеюсь... То есть я догадываюсь, что вы имеете в виду петуха?

Сцена 3

Комната в доме мастера Добромила

ПАЛАЧИХА

ИНКВИЗИТОР

ТРУБАДУР

ТРУБАДУР:

Извините, вы уже закончили?

ПАЛАЧИХА:

Конечно же. Проходите, господин Пюрковский. Мы тут с господином инквизитором обсуждали вопрос о равных правах. Я кое-что слышала и хотела бы задать несколько вопросов на эту тему. Равные права — это прекрасная идея, не правда ли? Господин инквизитор поддерживает любые изменения, которые отвечают ожиданиям общества.

ТРУБАДУР:

Это, можно сказать, вопрос точки зрения. Помню, совсем недавно я слышал историю об одной Бурмистре, которая пересмотрела свои взгляды на этот вопрос самым радикальным образом!

ИНКВИЗИТОР:

Вы слышали эту историю, господин Пюрковский? К сожалению, она была довольно громкой.

ТРУБАДУР:

Почему, “к сожалению”?

ИНКВИЗИТОР:

Всякий раз, когда кто-то меняет своё мнение, остаётся некоторое неприятное впечатление. Из этого факта просто следует, что человек подвержен ошибкам. Либо он ошибался до того, как изменил мнение, либо ошибался после — это, пожалуй, ясно. А дело касалось публичного лица. Такое размышление о ошибочности человека, особенно излишне раздутое, в некотором роде подрывает доверие к институтам, связанным с правосудием. Это подрывает авторитет. А авторитет, однажды подорванный, теряется безвозвратно, поскольку его нечем подкрепить. Есть только одна институция, которая непогрешима. И это, конечно же, Инквизиция, которую я имею честь представлять.

ПАЛАЧИХА:

А я уже подумала, что вы имели в виду женскую интуицию, господин инквизитор, которую, в свою очередь, имею честь представлять я. Я тоже знаю эту историю, потому что она касалась коллеги моего мужа по профессии. Я слышала её именно от мужа.

ТРУБАДУР:

С моей точки зрения, это гениальный поворот сюжета! Захватывающая драматургическая конструкция! Ну, скажите сами: Бурмистра всю свою карьеру посвятила борьбе за равные права, за введение гендерного паритета в администрации Королевства, за право женщин получать образование в самых разных профессиях. А тут вдруг такой радикальный поворот!

ИНКВИЗИТОР:

Никакого радикального поворота не было, господин Пюрковский. Вы зря ищете сенсацию, не хочу вдаваться в подробности, по каким причинам. Этот случай требует соответствующего подхода и определенного юридического чутья, поскольку легко поддаётся искушению вынести слишком поспешное суждение. Бурмистра, о которой вы упоминаете, всегда оставалась верна своим идеалам. То есть до самого конца своей карьеры. Пока она занимала должность Бурmistры, она не сдалась в борьбе с дискриминацией женщин и упорно стремилась к реализации программы равенства и терпимости. И это всё, что можно сказать по этому поводу!

ТРУБАДУР:

Конечно, я это понимаю. Борьба за идеалы мне, как артисту, очень близка. И всё же последующие события придали образу этой Бурmistры некую амбивалентность. Я смотрю не как юрист, господин Инквизитор, а как драматург. То есть, собственно, будущий драматург. Ведь ей предъявили обвинения в утрате доверия!

ИНКВИЗИТОР:

Конечно. Я очень хорошо знаком с этим делом. Отсутствие доверия дисквалифицирует чиновника. Оно не позволяет ему должным образом исполнять свои обязанности. Но нужно различать эти две вещи. Бурmistра утратила доверие, и это привело к тому, что дальнейшее исполнение ею обязанностей Бурmistры стало невозможным. Это лишь свидетельствует о честности правосудия в нашем Королевстве. Но ведь это не дисквалифицирует её программу! Не дискредитирует идеалы! В частности, это никоим образом не умаляет идеал эмансипации, равенства прав, права женщин на получение образования в любой выбранной ими профессии! Если бы я доказал вам, господин Пюрковский, какое-либо преступление, требующее сурового наказания, доказал бы я тем самым, что ваши идеалы ничего не стоят? Или подверг бы я тем самым сомнению ваши компетенции как трубадура? Конечно же, нет! Это две разные вещи, и следует избегать далеко идущих упрощений. Королевство утратило доверие к Бурmistре, но по-прежнему верит в равенство!

ТРУБАДУР:

Насколько я помню, предъявленное ей обвинение звучало так: «потеря доверия соседних королевств». То есть, по сути, доверие к Бурmistре утратили не наше Королевство, а соседние королевства!

ИНКВИЗИТОР:

Господин Пюрковский, иногда вы не замечаете самых простых вещей, а в другой раз вы бы разделили волосок на четыре части. Ну а как наше Королевство могло бы оказать Бурmistре своё доверие, если соседние Королевства утратили к ней доверие? Как вообще можно занимать государственную должность в нашем Королевстве, не пользуясь доверием соседних Королевств? Ведь это делает невозможным любое сотрудничество. Раз никто не доверяет Бурmistре, то и мы должны серьёзно задуматься о том, стоит ли и дальше оказывать ей поддержку с нашей стороны. Это вопрос жизни и смерти, ведь человек, занимающий столь важную должность, мог бы действовать во вред соседним королевствам, и наше Королевство должно что-то с этим делать! Даже я, как сторонник эмансипационного движения, имел возможность сотрудничать с Бурmistрой. Оказывать ей поддержку... Разве я не имею права на собственное мнение только потому, что я инквизитор? Я утратил к ней доверие, когда его утратили все, ведь я должен учитывать общественное мнение. Я не могу быть каким-то эгоцентриком. И всё же, признаюсь, мне было так по-человечески жаль, когда я наблюдал за её казнью...

ТРУБАДУР:

Я не имел удовольствия присутствовать, но слышал, что её казнь прошла успешно. То есть успешно с художественной точки зрения, по слухам, были овации. На эшафот бросали цветы. Даже кричали «бис», что, как я полагаю, было невозможно...

ПАЛАЧИХА:

Как зрелище это, по слухам, действительно было очень удачным. Но мой муж рассказывал, что, судя по всему, были некоторые технические недочеты, которые очевидны для специалиста, но толпа этого не замечает. Бурмистра питала особое уважение к отечественному ремеслу, особенно к ремеслу палача. Гильдия Палачей не раз участвовала в поддержке демонстраций движения, которое поддерживала Бурмистра. Даже мне однажды предложили принять участие в демонстрации, поскольку я — женщина и формально не имею никакого отношения к Гильдии Палачей, поэтому могла бы выступить в роли независимой сторонницы эмансипационного движения. Но что-то подсказало мне отказаться. Вся эта эмансипация уже тогда казалась мне подозрительной.

ИНКВИЗИТОР:

Это потому, что госпожа Добромилова смотрит на вещи через призму узкой группы интересов.

ТРУБАДУР:

Позвольте заметить, господин инквизитор, что на самом деле почти каждый человек смотрит на мир через призму узкой группы интересов. А тех, кто готов пожертвовать собой, кто стремится служить Человечеству своим гением, своим Искусством, — таких практически нет. Подозреваю, что я единственный. Знаете ли вы, каково это бремя? Быть единственным, незаменимым и гениальным артистом, страдать за миллионы и одновременно испытывать горечь от того, что тебя не ценят. В сердце — миссия спасти мир, а в кошельке — едва ли два талера.

ИНКВИЗИТОР:

Возможно, вы просто слишком расточительно тратите деньги. Я имел в виду нечто другое, господин Пюрковский. Я, например, поддерживаю эмансипацию потому, что считаю эту идею правильной, справедливой и во всех отношениях желательной. А не потому, что рассчитываю лично что-то от этого получить. Я поддерживаю право женщин на получение образования по любой специальности, несмотря на то, что сам не являюсь женщиной. Нельзя сосредотачиваться исключительно на себе. Это был бы эгоизм. Нужно смотреть шире.

ПАЛАЧИХА:

Господин инквизитор знает своё, а я — своё. Ну, скажите, господин, должна ли я нести плакат «Девушки за топоры!». Я не жалуюсь, как-то держусь, но это должна нести молодая девушка. Послание было бы более убедительным.

ТРУБАДУР:

Но что вы говорите, госпожа Добромилова! Вы же выглядите совсем как молодая девушка!

ПАЛАЧИХА:

Господин Пиурковский... Я и в подход к молодой девушке не иду. Но вы-то умеете заигрывать с женщинами... Эти артисты.

ТРУБАДУР:

Да, честное слово! Если бы я не знал, что госпожа Добромилова — это госпожа Добромилова, то сам не знаю, что бы я ещё сказал...

ИНКВИЗИТОР:

Я говорю это не вам, госпожа Добромилова, и не вам, господин Пюрковский, а просто высказываю философское замечание: когда артисты хвалят еду, они имеют в виду хозяйку, а хваля хозяйку, они имеют в виду еду...

ПАЛАЧИХА:

Вы умеете раздражать людей, господин Инквизитор. Но я тоже умею. Мой старик рассказывал, что, поскольку Бурмистра была известна своей борьбой за эмансипацию, Палата пыток, ответственная за её казнь, отправила на её обезглавливание трех девушек-подмастерьев, которые начали обучение ремеслу палача, пожалуй, всего лишь месяц назад. Им дали один топор, да ещё и тупой, чтобы они сами заточили его непосредственно перед казнью.

ТРУБАДУР:

Говорят, пока они все вместе не обезглавили её, прошло немало времени. Но всё равно им аплодировали. Потом окружение бывшей и уже обезглавленной Бурмистры пригрозило, что тоже что-то «отрежет», а именно — сократит финансирование этой Палаты пыток. Чем только они не угрожали! Говорили, что перестанут заказывать рекламные объявления, озвучиваемые герольдами на мероприятиях, обслуживаемых именно этой Палатой пыток. Но её владелец, как говорят, заявил, что он обязан соблюдать квоты, которые, кстати, сама Бурмистра и продвигала в рамках борьбы с дискриминацией женщин. А между делом он тихонько пригрозил им, что, если они будут к нему придирааться, он обнародует документы, из которых следует, что Бурмистра предлагала ему материальные выгоды в обмен на то, чтобы ее обезглавлял мужчина...

ИНКВИЗИТОР:

Но, господин Пиорковский! Вы повторяете слухи, притом вырванные из контекста и тенденциозно сфабрикованные... Видно, что вашим намерением является исключительно разжигание беспорядков и дискредитация властей Королевства. После вынесения приговора Бурмистра лишилась должности Бурмистры и стала частным лицом. Она имела полное право изменить своё мнение, а, не будучи больше чиновницей администрации, имела полное право руководствоваться любыми критериями! Пусть даже в своих собственных интересах, как она их понимала! Может, у неё просто было такое прихоть! А вы, судя по всему, пытаетесь создать впечатление, что власти Королевства меняют своё мнение в зависимости от ситуации. Предупреждаю: если вам придёт в голову сделать из этого, например, театральную пьесу, то мы встретимся в Палате пыток, господин Пюрковский!

ПАЛАЧИХА:

Успокойтесь, господин инквизитор... Кто захочет смотреть в театре такую пьесу... Кто в здравом уме вообще заплатит за билет, чтобы посмотреть на такое! Ведь это даже для цирка не годится! Господину Пиорковскому это даже в голову не пришло, я права, господин Пиорковский?

ТРУБАДУР:

Ну, строго говоря, я бы не хотел высказываться так радикально, госпожа Добромилова! Но раз господин инквизитор увидит в этом некую язвительность или даже критику властей Королевства, то я должен отнестись к этому серьёзно. Мы, артисты, независимы. Ратуша

независима. Город пользуется независимостью. Многие учреждения, в том числе образовательные и религиозные, пользуются значительной независимостью. Судебная власть независима. Торговля полностью приватизирована и, следовательно, независима. Из всего этого следует, что все мы, как вы сами понимаете, госпожа Добромилова, в некотором смысле зависим друг от друга. Но если бы так попробовать... Под псевдонимом...

ПАЛАЧИХА:

Да бросьте вы, господин Пиорковский! Не окажете ли вы нам честь и не останетесь ли на обед?

ИНКВИЗИТОР:

Я, к сожалению, вынужден отказаться! Целую ручки госпожи Добромиловой! Мне нужно бежать. Обязанности! Пожалуйста, передайте привет уважаемому супругу.

ТРУБАДУР:

А я, честно говоря, как артист, с огромным удовольствием! Только что касается петуха... Я не слишком хорошо владею топором и, будучи полным дилетантом в этом вопросе, боюсь, что не смогу оказать вам, госпожа Добромилова никакой помощи.

ПАЛАЧИХА:

Я сама с этим разберусь. Устраивайтесь поудобнее, господин Пюрковский. Муж скоро вернётся. До свидания, господин инквизитор!